А. В. Майоров

https://orcid.org/0000-0001-8212-7467
✉ *a.v.maiorov@gmail.com*
Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Монгольская перепись и децимальная организация в русских землях

Аннотация. Несмотря на постепенную трансформацию и адаптацию к местным условиям, монгольская военно-административная система, основанная на десятичной организации, продолжала функционировать в течение длительного времени. Распространенное мнение об отсутствии сведений о монгольских темниках и тысячниках, действовавших в русских землях после переписей податного населения середины XIII в., требует пересмотра, так как не согласуется с данными золотоордынских и ранних крымских документов. Разделение податного населения на тьмы, тысячи, сотни и десятки отражало общий подход монгольской администрации, выработанный еще в период единой империи и сочетавший военные потребности с необходимостью эффективного сбора налогов. Десятичная организация представляла собой гибкий инструмент, адаптированный к различным условиям и задачам, стоявшим как перед империей, так и государствами-преемниками. Русские летописи, молчащие о наборах солдат для ханских армий, не дают полной картины военной эксплуатации русских земель монголами. Вместе с тем ярлыки правителей Золотой Орды XIV в., реконструируемые по сохранившимся русским копиям, содержали обращения к монгольским военачальникам различных рангов, в том числе темникам и тысячникам, что указывает на их непосредственное участие в контроле над территориями и обеспечении транзита. Сопоставление данных актовых источников с летописными упоминаниями о тьмах — территориально-административных округах, существовавших в Северо-Восточной Руси в XIV в., подкрепляет вывод о делении русских земель на тумены, подконтрольные монгольской администрации. Анализ ранних крымских документов, сохранивших традицию джучидского делопроизводства, выявляет не просто следование традиционным формулам протокола, но и сохранение, пусть и в рудиментарной форме, представлений о военно-административной организации русских земель, восходящей к эпохе Монгольской империи.

Ключевые слова: десятичная организация, тумены, темники, тысячники, Монгольская империя, Золотая Орда, Русь

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 24-18-00407.

Для цитирования: *Майоров А. В.* Монгольская перепись и децимальная организация в русских землях // Шаги / Steps. Т. 12. № 3. 2026. С. 56–89. EDN: XRGBDK.

Поступило 4 июня 2025 г.; принято 26 июня 2026 г.

© А. В. МАЙОРОВ, 2026

EDN: XRGBDK

A. V. Maiorov

https://orcid.org/0000-0001-8212-7467
✉ *a.v.maiorov@gmail.com*
Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)

The Mongol census and decimal organization in Rus' lands

Abstract. Despite its gradual transformation and adaptation to local conditions, the Mongol military-administrative system based on decimal organization continued to function for a long time. The widespread view that there is a lack of information about the Mongol temniks and thousanders operating in the Rus' lands after the censuses of the taxable population in the mid-13th century calls for a revision, since it is not supported by data of the Golden Horde and early Crimean documents. The division of the taxable population into tumens (*t'my*), thousands, hundreds and tens reflected the general approach of the Mongol administration, developed during the period of the unified empire and combining military needs with the need for effective tax collection. The decimal organization was a flexible instrument adapted to the various conditions and tasks facing both the empire and its successor states. Rus' chronicles, silent about the recruitment of soldiers for the khan's armies, do not give a complete picture of the military exploitation of Rus' lands by the Mongols. At the same time, the yarlyqs of the Golden Horde rulers of the 14th century, reconstructed from surviving Russian copies, contained appeals to Mongol military leaders of various ranks, including temniks and thousanders, which indicates their direct participation in controlling the territories and ensuring transit. A comparison of these documentary sources with chronicle references to "tems" (*t'my*) — territorial-administrative districts that existed in North-Eastern Rus' in the 14th century, supports the conclusion about the division of Rus' lands into tumens controlled by the Mongol administration. An analysis of early Crimean documents that preserved the tradition of Jochid office work reveals not only adherence to traditional protocol formulas, but also the preservation, albeit in a rudimentary form, of ideas regarding the military-administrative organization of Rus' lands dating back to the era of the Mongol Empire.

Keywords: decimal organization, tumens, temniks, thousanders, Mongol Empire, Golden Horde, Rus'

Acknowledgements. The study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation (RSF), project no. 24-18-00407.

To cite this article: Maiorov, A. V. (2026). The Mongol census and decimal organization in Rus' lands. *Shagi / Steps, 12*(3), 56–89. EDN: XRGBDK. (In Russian).

Received June 4, 2025; accepted June 26, 2026

© A. V. MAIOROV, 2026

В результате нескольких монгольских переписей середины — второй половины XIII в. население большинства русских земель так или иначе было разделено на военные и одновременно фискальные округа в соответствии с принятой в Монгольской империи десятичной системой [Насонов 1940: 11–16, 98–99; Vernadsky 1953: 150–151, 158, 216–219; Allsen 1981; Halperin 1987: 35, 41–42; Майоров 2022]. Основной единицей этой системы являлась тысяча (*минган*). Созданная на ее основе иерархическая структура в новейшей литературе именуется хилиархией [Kim 2023: 412–414].

Впервые установленная на юге Руси в начале 1240-х годов, монгольская хилиархия через полтора десятилетия была введена также в землях Северо-Восточной Руси (подробнее см.: [Майоров 2026]). Прямое свидетельство об этом содержит Лаврентьевская летопись в сообщении, относящемся к зиме 1257 / 1258 гг.:

> Тое же зимы приехаша численици, исщетоша всю землю Сужальскую, и Рязаньскую, и Мюромьскую, и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники, и идоша в Ворду [ПСРЛ (1). Стб. 474–475].

Десятичная организация существовала на Руси задолго до монгольского завоевания. Не вдаваясь здесь в споры о ее социально-политической природе — контролировалась ли эта организация князем или общиной, — отметим, что на Руси сотские выполняли не только военные, но и административные функции, а сотни являлись одновременно территориально-административными и военными единицами. В целом они составляли тысячу, организационным центром которой был город. Тысячу «держал» тысяцкий, в военное время выступавший в качестве военачальника, а в мирное — администратора, выполнявшего в том числе судебные функции (см.: [Фроянов 1980: 206–207, 210–211]; ср. [Горский 2019: 343–346]; в обеих книгах анализируется предшествующая литература вопроса). Новшество, введенное монголами, могло касаться только должности темника (*tümen-u noyan*), ранее не встречавшейся в русских источниках.

Видимо, поэтому установление монгольской хилиархии в русских землях происходило сравнительно быстро и безболезненно. Тем не менее русский книжник, чье сообщение передает Лаврентьевская летопись, различал русских и монгольских администраторов на терминологическом уровне, употребив вместо привычных древнерусских названий — *тысяцкий*, *сотский* и *десятский* — более соответствовавшие монгольской номенклатуре — *тысячник* (*mingghan-u noyan*), *сотник* (*ja'un-u noyan*) и *десятник* (*harban-u noyan*).

Следы разделения податного населения русских земель на военно-фискальные округа по десятичному принципу нашли отражение в документах более позднего времени. А. Н. Насонов и Г. В. Вернадский первыми собрали и проанализировали свидетельства различных источников XIV — первой половины XVI в. о существовании в русских землях — как

на юге (Киевская, Черниговская, Галицкая и Волынская земли), так и на северо-востоке (Владимирское и Нижегородское княжества) — нескольких десятков созданных монголами территориально-административных округов, именуемых *тьмами* [Насонов 1940: 98–99; Vernadsky 1953: 216–219] (см. также: [Горский 2014: 75, примеч. 71; Маслова 2024a: 86–87]).

Существование подобных округов, представлявших собой верхний уровень десятичной организации, предполагает наличие иерархии соответствующих подразделений среднего и низового звена, а также их руководителей.

Между тем в литературе распространено мнение, что сведения о монгольских темниках и тысячниках как начальниках десятичной системы, действовавшей в русских землях, отсутствуют в источниках [Langer 2017: 530]. Иногда даже утверждается, что «при всем многообразии известий о тысяцких следов деятельности монгольских “тысячских” (тысячников) в русских землях не обнаружено ‹...› Источники не говорят и о возможных руководителях тем — темниках. Судя по сохранившимся известиям, тьмы возглавляли непосредственно князья» [Маслова 2024b: 264] (см. также: [Маслова 2024a: 86, 87])[1].

Выходит, что о монгольских темниках и тысячниках сообщает только Лаврентьевская летопись в связи с проведением переписи населения Северо-Восточной Руси во второй половине 1250-х годов. Значит, вскоре после назначения деятельность монгольских тысячников и темников и само их присутствие на Руси сворачивается и полностью прекращается, а их функции переходят к другим администраторам. Однако все это едва ли соответствует действительности, поскольку не согласуется с показаниями аутентичных источников, происходящих как с территории Золотой Орды, так и других монгольских государств, возникших после распада единой империи.

Начнем с последних.

Эмиры туменов

В «Руководстве для писца при определении степеней» («Дастур алкатиб фи та‘йин ал-маратиб») — персоязычном трактате второй половины XIV в., составленном Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, сановником эпохи последних Хулагуидов и первых Джалаиров, содержатся образцы ярлыков о назначении на должность значительного круга чиновников по военному, гражданскому и судебно-духовному ведомствам. Здесь также подробно перечислены требования к назначаемым лицам, их права и обязанности, взаимоотношения с вышестоящими и нижестоящими представителями администрации и др., продолжавшие практику,

[1] Заявление о том, что в русских землях «тьмы возглавляли непосредственно князья», не подтверждается источниками, на которые ссылается исследователь [Маслова 2024b: 264].

сложившуюся еще в период единой империи, во многом сохранившуюся в государствах-преемниках [Абзалов и др. 2023].

Среди прочих документов в трактате содержится образец ярлыка о назначении эмиров тумена, тысячи и сотни («О вверении эмирства над туменом, тысячей и сотней»), недавно опубликованный в русском переводе. Из текста документа следует, что главным основанием в пользу назначения конкретного лица на любую из этих должностей и прежде всего на должность темника было его происхождение: «...эмирство над таким-то туменом издавна являлось должностью, занимаемой его (вновь назначаемого лица. — *А. М.*) предками и старшими родственниками». При назначении начальников хилиархии также оценивались их личные качества: назначаемый должен превосходить других «по [причине своей] большой энергии, уместной решительности, правого мнения, похвального разумения, чрезвычайной справедливости и совершенной беспристрастности». Таким образом, решение о назначении на руководящую должность в системе хилиархии должно было приниматься по совокупности обстоятельств — «как по обычаю наследования, так и по причине заслуг» (цит. по: [Абзалов и др. 2023: 596–597]).

Конечно, практика наследования высших командных должностей складывалась постепенно и получила повсеместное распространение на сравнительно поздних этапах развития монгольской государственности. Новейшие исследователи справедливо считают ее ключевым фактором упадка монгольской военной машины и прекращения масштабных завоеваний [May 2023: 483]. Получившая широкое распространение в Китае эпохи Юань и в Ильханате, эта практика, тем не менее, выросла из многочисленных прецедентов, созданных Чингисханом: доказанная поколениями преданность семьи была для верховной власти важнее личных заслуг [Hsiao 1978: 25–26]. Б. Я. Владимирцов первым показал, что уже в период единой империи звания сотника, тысячника и темника стали наследственными, носящие их лица получали общий титул *noyan*, т. е. «господин», «военный сеньор». Имевший китайское происхождение, этот титул издревле носили представители степных аристократических родов [Владимирцов 2002: 400–401] (дополнительные примеры см. в [Майоров, Веселов 2025: 15–16]).

Несомненно, основные компетенции и полномочия темника были сосредоточены в области военного командования и поддержания боеспособности тумена. Его особой заботой было обеспечение воинов лошадьми и исправным оружием («[Пусть] вплотную занимается пригодностью их коней и исправностью их оружия», цит. по: [Абзалов и др. 2023: 597]), а также обеспечение боеготовности и мобильности тумена на случай начала военных действий:

> Также пусть действует так, чтобы во время выступления [нашего] победоносного войска не произошло отставания [вверенного ему тумена от основных сил] по какой бы то ни было причине [Там же].

В свою очередь, эмиры тысяч, сотен и десятков, а также рядовые воины обязаны были незамедлительно выполнять приказы темника, в частности касавшиеся экстренной мобилизации:

> Пусть всякий раз по получении от него клича ‹...›, невзирая на время суток, снаряженными и готовыми садятся [в седло] и присоединяются к нему с тем, чтобы добросовестно выполнить обязанность скорейшего вступления в битву [Абзалов и др. 2023: 598].

Процитированный документ может иметь значение для определения характера и задач десятичной организации в Улусе Джучи, и в частности десятичной системы, установленной монголами в Северо-Восточной Руси во второй половине 1250-х годов. В литературе высказываются различные мнения по этому вопросу. Некоторые ученые пришли к выводу о ее военно-политическом предназначении, однако преобладает представление о функционировании десятичной организации в качестве фискального инструмента (обзор мнений см. в [Маслова 2024с: 11–12]).

Приведенные выше данные ярлыка о назначении командиров хилиархии склоняют к выводу, что десятичная организация монголов выполняла прежде всего военные функции. Конечно, в руках темника и тысячника были некоторые полномочия, связанные с получением и расходованием части податей, взимаемых с подвластного населения. Однако эти полномочия действовали только в пределах *икта*, т. е. определенных земельных владений, доходы с которых должны были тратиться на поддержание должной боеспособности тумена или тысячи. Подобная система, вероятнее всего, имела место не только в Ильханате, но и в других монгольских государствах, в частности в Золотой Орде. Исследователи отмечают, что существовавшая в XIV–XV вв. на степном пограничье Северской земли «Яголдаева тьма» в источниках упоминается «с землями, водами и прибылями», предназначавшимися, очевидно, темнику и тысячникам для поддержания боеспособности соответствующих подразделений [Абзалов и др. 2023: 602–603].

В действительности формула «с землями, водами и прибылями / выходами и данями» имела стандартный характер и применялась не только в отношении «Яголдаевой тьмы», но и любых других подобных образований, существовавших на землях Южной и Юго-Западной Руси.

В сохранившемся в русском переводе дарственном ярлыке крымского хана Менгли-Гирея польскому королю и великому литовскому князю Сигизмунду, датируемом 2 июля 1507 г., упоминаются киевская, владимировolынская, луцкая, смоленская; подольская, каменецкая, брацлавская, сокальская, черниговская и курская тьмы «со въсими входы и данми, и зъ земълями, и з водами» [Kołodziejczyk 2011: 556–557]. В дарственном ярлыке Мехмед-Гирея, подтвержденном его сыном Бахадыр-Гиреем и отправленном заново Ислам-Гиреем (октябрь — ноябрь 1532 г.), также сохранившемся только в русском переводе, фигурируют Киев с тьмой, Луцк с тьмой, Смоленск с тьмой, Полоцк и Витебск с тьмой, Подолия с тьмой,

Брацлав с тьмой, Соколец с тьмой, Курск с тьмой вместе «з земълями, и з водами, з даньми, и з выходы» [Ibid.: 682].

Из этих и других документов с очевидностью следует, что формула «с землями, водами, выходами и данями» имела более широкий смысл и применялась не только к доходам с туменов, причитавшихся темникам и тысячникам. В сохранившихся переводах крымских документов эта формула постоянно встречается в случаях пожалований различных городов, замков и поселений без указания на тумены (тьмы) [Kołodziejczyk 2011: 556–558, 581, 595–596, 606, 634, 643, 682, 703, 723, 741 и др.].

Не приходится сомневаться, что монгольская перепись податного населения всегда преследовала двойную цель: установить количество возможных рекрутов и определить общее число налогоплательщиков. Следовательно, разделение населения на тьмы, тысячи, сотни и десятки как на Руси, так и по всей Монгольской империи имело не только военный, но и административно-финансовый смысл. Термины *тумен / тьма*, *тысяча* и *сотня* одновременно обозначали и воинское подразделение, и территориально-административную единицу, с которой собиралось определенное количество рекрутов и налогов. Но именно количество солдат, которое должно было предоставить население той или иной территории, являлось основанием для соответствующего числового деления [Vernadsky 1953: 215–216; Allsen 1981: 51–52].

«Темные» и «тысячные» князья

Сведения о монгольских темниках и тысячниках, чья деятельность непосредственно была связана с русскими землями, также можно найти в документах, происходящих с территории Золотой Орды. Регулирующие отношения различных ордынских чиновников с Русской церковью и ее иерархами, эти документы, точнее наиболее важные из них, через некоторое время после издания были переведены на русский язык и в таком виде сохранились до нашего времени [Почекаев 2010].

Известно, что в архиве русских митрополитов во второй половине XIII — XIV в. хранилось собрание ярлыков ханов Золотой Орды, написанных по-тюркски или даже по-монгольски уйгурским письмом, часть из которых в конце XIV — первой половине XV в. была переведена на русский язык и снабжена послесловием. Оригиналы документов утрачены, но в результате их выборочного перевода появилось дошедшее до нас в нескольких копиях краткое собрание ханских ярлыков русским митрополитам, древнейшие списки которого датируются серединой — второй половиной XV в. [Зимин 1955; Плигузов 1987].

Среди прочих документов в собрании сохранилась проезжая грамота Тайдулы митрополиту Алексею, датируемая 10 февраля 1354 г., адресованная в том числе «к темным и к тысящным, князем, и сотником и десятником» [Зимин 1955: 470; Плигузов 1987: 593]. В реконструкции первоначального текста документа, предложенной А. П. Григорьевым, интере-

сующий нас фрагмент приобретает следующий вид: «тем, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков князьям» [Григорьев 2004: 70–71].

Нет никаких сомнений, что под «темными» и «тысящными» князьями, а также сотниками и десятниками (или князьями тем, тысяч, сотен и десятков) имелись в виду монгольские военачальники: беки-темники — начальники туменов, беки-тысячники (начальники тысяч), сотники и десятники (начальники сотен и десятков) [Зимин 1955: 480]. В терминологии ярлыка о назначении темников из «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» они назывались эмирами тумена, тысячи и сотни. Термин *князь* в сохранившемся переводе проездной грамоты митрополиту Алексею, несомненно, выступает в качестве русского эквивалента для «эмира» или «бека».

Своей грамотой Тайдула предоставляла право свободного проезда владыке Алексею в Константинополь для поставления в митрополиты. Он получил ее, находясь в ханской ставке, располагавшейся тогда в Гюлистане, возможно, в пределах города Булгара [Григорьев 2004: 70] или, более вероятно, на Нижней Волге, на месте Царевского городища [Зеленеев и др. 2024: 86–87]. Отсюда Алексею предстояло проделать долгий путь в столицу Византии, а затем вернуться в Москву. Ясно, что часть этого пути должна была проходить через русские земли, контролируемые ханской администрацией.

Следует также учитывать, что читающаяся в проездной грамоте митрополиту Алексею адресация к «темным» и «тысящным» князьям (князьям тем, тысяч и т. д.) помимо практического смысла, непосредственно связанного с его поездкой, с высокой вероятностью имела характер стандартной формулировки, регулярно используемой в документах ханской канцелярии, выдававшихся русским митрополитам.

Согласно реконструкции А. П. Григорьева, формула «тем, под началом с Исой-гургеном, тысяч, сотен и десятков князьям» присутствовала в оригинале жалованной грамоты Тайдулы митрополиту Феогносту (1351 г.) [Григорьев 2004: 65]. Ярлык Бердибека митрополиту Алексею (1357 г.) был адресован «войсковым князьям тюменов, под началом с Могулбугой, тысяч, сотен и десятков» [Там же: 114] (в русском переводе эта формула передана в упрощенном виде: «ратным князем» [Зимин 1955: 469]). В реконструируемом оригинале ярлыка Мухаммеда Бюлека митрополиту Михаилу (1379 г.) упоминались «князья тюменов, под началом с особоуполномоченным Мамаем, тысяч, сотен и десятков» [Григорьев 2004: 201] («ратные князья» в упрощенном русском переводе [Зимин 1955: 465]).

Достоверность подобных реконструкций поддерживается результатами формулярного анализа золотоордынских и ранних крымских ярлыков, сохранявших традицию джучидского делопроизводства. По наблюдениям М. А. Усманова, первая часть инскрипции в таких документах состоит из двух оборотов, в которых сгруппированы высшие и низшие военно-административные чины: огланы, т. е. принцы крови вообще, управлявшие «крыльями» (флангами) страны, беки-темники, предводители тысяч, со-

тен, десятков, также правители (даруга-беки) городов, селений — более мелких административных единиц [Усманов 1979: 206–208].

Схожий результат дает формулярный анализ ярлыков, происходящих из канцелярии ильханов. Инскрипция документов XIV в., написанных по-монгольски (уйгурским письмом) и по-персидски (арабским письмом), наряду с кровными и некровными родственниками хана включает в себя полный перечень местных военных чинов — темники (*умара-йи туман*), тысячники (*хазарэ*), сотники (*садэ*), десятники (*дахэ*) [Григорьев 1978: 52–53].

Список подданных хана, включенный в крымские документы XVI в., адресованные литовским правителям и православному населению русских земель, начинался с членов династии Чингизидов, за которыми следовали военачальники, от высшего до низшего, имевшие под своим началом тумены, тысячи, сотни и десятки [Kołodziejczyk 2011: 364–365]. Только в документах XVII в. ссылки на тумены, тысячи, сотни и десятки и их начальников постепенно выходят из употребления, а связанные с ними формулы утрачивают свое первоначальное значение, поскольку крымское войско в это время фактически уже не делилось на тумены [Ibid.: 373].

Сведения актовых источников о монгольских военных администраторах — темниках, тысячниках, сотниках и десятниках, — действовавших в русских землях, соотносятся с данными летописей о существовании на землях Северо-Восточной Руси нескольких десятков туменов в качестве территориально-административных и налоговых округов, именуемых «тьмами».

Согласно Рогожскому летописцу, в 1360 г. ордынский хан Навруз передал нижегородскому князю Андрею Константиновичу «княжение великое 15 темь» [ПСРЛ (15/1): 68]. В конце XIV в. литовский князь Витовт и Тохтамыш заключили союз против Тимур-Кутлуга. Согласно Русскому Хронографу, в обмен на помощь в завоевании ордынского престола Витовт потребовал уступки ему власти над русскими землями, в том числе передачи великого княжения, включавшего тогда 17 туменов:

> ...а ты мене посади на Московьскомъ великомъ княжении и на всей семенатьцати темъ и на Новеграде Великомъ и на Пъскове [ПСРЛ (22/1): 423].

На наш взгляд, нет весомых причин сомневаться в достоверности приведенных сообщений на том основании, что они происходят из нарративных источников, созданных намного позже описываемых событий (ср. [Halperin 1987: 41–42]). Конечно, асинхронные источники, повествующие о прошлом столетней давности, могут искажать историческую реальность, добавляя к ней реалии более позднего или, наоборот, раннего времени, содержать умышленные фальсификации и т. п. Однако существование туменов в Северо-Восточной Руси подтверждается актовым источником первой половины XV в.

О пяти туменах, составлявших важную часть Нижегородского княжества, читаем в договоре галицкого князя Дмитрия Юрьевича с князьями суздальскими Василием и Федором Юрьевичами (1445 г.):

> А въ прадедину нашю, и в дедину, и въ отчину, в Суздаль, в Новгород, в Городець, и въ Вятку, и во всю пятетем Новъгородскую, тобе, господину нашему, князю Дмитрию Юриевичю, и твоему сыну, князю Ивану, не въступатися ничим [ДДГ: 119].

О 12 туменах в Черниговской земле, существовавших в конце XIII в., свидетельствует упоминание о князе Олеге Романовиче, сохранившееся в Любецком синодике: «князя Олга Романовича, великаго князя черниговскаго, Леонтия, оставившаго дванадесять темъ людей и приемшаго аггелский образъ» [Зотов 1892: 26].

Утверждение С. А. Масловой [2024а: 87] о том, что в приведенном известии «нет указаний на принадлежность 12 тем к установленной монголами децимальной системе», неосновательно. Хотя термин *тьма* в качестве числительного, означавшего 10 000, несомненно, был известен в Древней Руси, вплоть до монгольского завоевания и проведения переписи в русских источниках он никогда не применялся для определения численности населения земли или княжества по числу соответствующих территориально-административных единиц. Разделение населения на тумены (тьмы) могло стать актуальным только после монгольской переписи.

Сравнительно большое количество туменов может быть объяснено тем, что в документе речь идет не о собственно Черниговском княжестве, а о существовавшем во второй половине XIII в. «великом княжестве» Черниговском, представлявшем собой обширное политическое образование, своеобразный аналог «великого княжения» в Северо-Восточной Руси — «центральное» политическое образование, которым владели по ханскому ярлыку князья более мелких княжеств [Горский 2014: 74].

Вероятнее всего, упомянутым в Любецком синодике князем, принявшим монашество перед смертью, был брянский и черниговский князь Олег Романович, оставивший стол ок. 1296 г. [Горский 2010: 28–31]. Как и его отец Роман Михайлович, Олег по приказу правителей Орды неоднократно участвовал в предпринимаемых ими военных кампаниях 1270–1280-х годов [ПСРЛ (2). Стб. 872–873, 892]. Летописец специально поясняет, что Роман и Олег присоединялись к ордынским войскам не по своей воле, а по приказу хана, который «веля имъ поити с собою на воину». Здесь же объясняется, что все князья Южной Руси — галицкие, волынские и «заднепровские» (включая брянских) — были в полной власти хана и должны были выполнять все его приказы: «Тогда же бяху вси князи в неволе Татарьскои» [Там же. Стб. 892]. Эту мысль летописец повторяет вновь и вновь: князья со своими войсками должны были участвовать в военных акциях ордынцев «неволею Татарьскою» [Там же. Стб. 881, 893].

Существование политического режима, при котором брянские и черниговские князья обязаны были участвовать в военных предприятиях

Орды, полностью соответствует сведениям о наличии в «великом княжестве» Черниговском второй половины XIII в. около десятка туменов, созданных с целью обеспечения регулярного поступления денежных выплат и солдат для армии хана.

Тумены Юго-Западной Руси

В вышеупомянутом дарственном ярлыке от 2 июля 1507 г. крымский хан Менгли-Гирей адресуется к находившимся в русских землях «Темникомъ, и тысячъникомъ, и сотникомъ, и десятникомъ, вланомъ, князем, и всимъ руским людемъ» [Kołodziejczyk 2011: 555]. В этом же документе упоминаются киевская, владимиро-волынская, луцкая, смоленская; подольская, каменецкая, брацлавская, сокальская, черниговская и курская тьмы [Ibid.: 556–557]. С некоторыми изменениями количества и номенклатуры туменов приведенный список повторяется во многих других крымских документах XVI в., сохранившихся в русских переводах [Ibid.: 581, 595–596, 606, 634, 643, 682, 703, 723, 741].

Требует пересмотра утверждение А. А. Горского, будто в более ранних ярлыках крымских ханов великим князьям литовским на русские земли — Хаджи-Гирея и Менгли-Гирея Казимиру IV (1461 и 1472 гг.) — «тьмы» при наименованиях жалуемых городов не упоминаются [Горский 2014: 75, примеч. 71]. Следует учитывать, что сохранившиеся только в упрощенных переводах — польских, русских и латинских — тексты ранних крымских документов повреждены и значительно сокращены. В частности, в поврежденном виде сохранился текст дарственного ярлыка Менгли-Гирея, датируемый 1472–1474 гг. Как и в других случаях, при переводе на польский язык документ подвергся сокращениям. Тем не менее в польской версии сохранилось искаженное упоминание о курском тумене (Hrirusko tumien), несомненно, присутствовавшее в тюркском оригинале наряду с упоминанием других туменов. Польский переводчик или переписчик принял слово *тумен* за географическое название, и благодаря этой ошибке курский тумен преодолел языковой барьер [Kołodziejczyk 2011: 540, 542, n. 14].

Требует пересмотра и другое распространенное в литературе мнение, будто ярлык Менгли-Гирея 1507 г. и последующие крымские документы не содержат достоверных сведений о делении русских земель Великого княжества Литовского на тумены [Zdan 1957: 508–509] или отражают представления о таком делении, актуальные для эпохи конца XV — первой половины XVI в. [Горский 2014: 75, примеч. 71]. На наш взгляд, более вероятно обратное: в XVI в. деление русских земель на тумены в значительной мере уже утратило актуальность и сохранялось в основном в силу старой традиции, восходящей ко временам единой Монгольской империи.

Несомненно, дарственный ярлык 1507 г. представлял собой типичный документ, по форме и содержанию подобный прежним ярлыкам Хаджи-Гирея и Менгли-Гирея. Ссылаясь на старую дружбу между Хаджи-Гиреем

и Витовтом, хан заново «пожаловал» Литве многочисленные земли вместе с их жителями, объединенными в территориально-административные единицы, называемые тюркско-монгольским термином «тумен». В ярлыке 1507 г. перечислены те же земли, которые были указаны в прежних документах, с единственным, по-видимому, случайным пропуском Новгорода-Северского и некоторыми малозначительными добавлениями. В целом содержание этого ярлыка отражало политико-географические реалии последних лет жизни Витовта (1428–1430) [Kołodziejczyk 2011: 31–33].

Традиция дарственных ярлыков литовским князьям на русские земли, очевидно, восходит к несохранившемуся ярлыку Тохтамыша, выданному, вероятно, в 1397 г. В обмен на литовскую помощь Тохтамыш пожаловал Витовту ряд русских земель, и этот дар затем был подтвержден в ярлыках Хаджи-Гирея. Значительная часть жалуемых земель к концу XIV в. фактически уже находилась под властью литовских князей. Тем не менее, даруя их, хан действовал как сюзерен, даже если он не требовал никакого подчинения и выплаты дани. Акт пожалования справедливо отражал старый баланс сил между Золотой Ордой и Литвой, но, конечно, не фактическое положение дел. Как ни удивительно, литовские правители, будучи одновременно королями Польши, принимали этот обычай и ханские «дары» от преемников Хаджи-Гирея еще столетие. Вероятнее всего, они рассматривали такие акты как гарантию от татарских набегов и, более того, легитимацию своих территориальных претензий к Москве [Kołodziejczyk 2011: 15–16].

Тохтамыш, а затем Хаджи-Гирей уступали литовским князьям огромные территории к югу и востоку от Литвы, ранее принадлежавшие Монгольской империи и Улусу Джучи. Эти древние русские земли переходили под власть новых правителей вместе со всем своим населением, значительная часть которого в свое время была разделена монгольскими властями по десятичному принципу и организована в тумены. Разумеется, наибольшую актуальность подобное разделение сохраняло до тех пор, пока земли Южной и Юго-Западной Руси находились под властью монгольских или золотоордынских правителей, т. е. во второй половине XIII — первой половине XIV в.

Уже давно высказано предположение, что установление десятичной организации в землях Галицко-Волынской Руси могло произойти в конце 1250-х годов после нашествия Бурундая [Пашуто 1950: 298; Vernadsky 1953: 158, 217–218], в результате которого волынские князья должны были подчиниться власти великого хана Мунке и участвовать в организованных им военных предприятиях [Майоров 2023b: 18–20, 22].

По каким-то причинам Галицко-Волынская летопись не содержит сведений о проведении монгольскими властями переписи населения и организации туменов в Галичине и на Волыни. Однако этот факт не может быть основанием для далеко идущих выводов о том, что в землях Юго-Западной Руси перепись вообще не проводилась, десятичных подразделений не существовало, а зависимость этого региона от монголов

выражалась в сравнительно легких формах (ср. [Zdan 1957: 516–517; Горский 2014: 64, 75–76, 78]; возражения см. в [Стефанович 2019: 132–133]).

При таком подходе невозможно удовлетворительно объяснить появление в крымских ярлыках устойчивых формул с перечислением множества туменов в передаваемых Литве землях Юго-Западной Руси. Хотя их количество и номенклатура в документах разного времени изменялись, образование туменов, как и введение десятичной организации вообще, могло произойти только вследствие переписи податного населения. Мероприятия такого рода не могли быть проведены крымскими ханами в XV или XVI вв., поскольку в это время они уже не контролировали ни одной из русских земель, фактически оказавшихся под властью Литвы еще во второй половине XIV в.

Более вероятно, на наш взгляд, другое объяснение. Проведение переписи и организация туменов, тысяч, сотен и десятков в Галицко-Волынской Руси стали следствием общеимперской кампании, произошедшей в правление Мунке и завершившейся в конце 1250-х годов практически одновременно во всех русских землях [Майоров 2022]. Галицко-Волынская летопись молчит о завершении переписных мероприятий, но в ней сохранились сведения об их начале в 1252 г., когда в Галицкой земле впервые появился монгольский баскак [Майоров 2023а].

Фискальные администраторы и военачальники

Из приведенных данных следует, что назначенные золотоордынскими правителями и непосредственно подчиненные им темники, тысячники, сотники и десятники продолжали свою деятельность в русских землях в XIV и, возможно, в XV в., несмотря на фактический переход этих земель под власть литовских или московских князей. Вместе с другими ордынскими чиновниками децимальным начальникам вменялось в обязанность в том числе обеспечение безопасности русских митрополитов и соблюдение льгот Русской церкви — освобождение от налогов и неприкосновенность церковного имущества [Плигузов, Хорошкевич 1990]. Во всяком случае, таков был взгляд на систему управления русскими землями из ставок золотоордынских и крымских правителей.

Однако, с другой стороны, русские князья в своих официальных документах (например, в духовных и договорных грамотах), когда речь заходила о выплатах ханской дани, последовательно игнорировали децимальных начальников, подчиненных правителям Орды. Эта черта просматривается и в русских летописях, а также в переводах ханских ярлыков русским митрополитам. Из сохранившихся документов русских князей конца XIV — начала XVI в. следует, что ежегодная дань («выход») с территории Северо-Восточной Руси, исчисляемая в рублях, доставлялась в Орду московскими великими князьями, в свою очередь получавшими ее по частям от удельных и зависимых князей, в чьих руках оказывались денежные суммы, собранные с податного населения («численных людей») соответствующих городов и волостей [Кучкин 2021].

Несомненно, перед нами борьба двух политических тенденций, развернувшаяся уже во второй половине XIV и особенно в XV в. Московские князья, стремившиеся сосредоточить сбор ханской дани в собственных руках и в конечном счете освободиться от власти Орды, как бы не замечали ханских администраторов, ответственных за фискальные мероприятия. В противовес этому правители Золотой Орды и постордынских государств настаивали на сохранении территориально-административных единиц, связанных с десятичной системой, и их прежних начальников, не считаясь с произошедшими политическими изменениями. Эту настойчивость можно объяснить стремлением поздних Чингизидов продемонстрировать преемственную связь со своими могущественными предшественниками и тем самым легитимировать претензии хотя бы на часть их наследия [Почекаев 2015: 34].

При таких условиях выявить достоверные следы и определить время существования в русских землях монгольской децимальной организации непросто. Русские и ордынские / постордынские источники предоставляют не вполне надежные данные, ведущие к противоположным выводам. Более или менее удовлетворительное решение проблемы возможно только путем дальнейшего расширения источниковой базы и привлечения к исследованию свидетельств независимых источников, в нашем случае — не связанных с противоборством описанных выше политических тенденций.

Такие источники, несомненно, существуют, хотя не все из них попали в поле зрения и получили должную оценку историков, изучавших монгольскую децимальную систему. Они происходят с территории Великого княжества Литовского и / или отражают взгляд литовских князей на административно-территориальное устройство Южной и Северо-Восточной Руси в золотоордынское время.

В русскоязычном варианте соглашения литовских князей Явнута, Кейстута, Любарта, Юрия Наримонтовича и Юрия Кориатовича с польским королем Казимиром III и мазовецкими князьями, датируемом июнем — сентябрем 1352 г., упоминаются «темные князья», взаимодействовавшие с литовскими князьями. Последние обещали оказать военную помощь Казимиру в случае нападения на новые польские владения в Галичине татарского «царя» или его темников, располагавшихся где-то поблизости: «...а поидеть ли царь на ляхи, а любо кнази темнии, княземъ литовьскымъ помагати» [Пещак 1974: 30].

Нет сомнений, что речь здесь идет именно о темниках, аналогичных «темным князьям» ярлыков русским митрополитам. Их отождествляют с золотоордынскими темниками Кутлуг-Бугой, Хаджи-беком и Дмитрием, правившими в том числе русскими землями в Подолье и разбитыми литовскими князьями в 1362 г. в битве у Синих Вод, после чего Подольская земля оказалась под властью Кориатовичей [Gulevych 2021a: 349, 362, n. 110, 111 (здесь — основная литература вопроса)]. В некоторых источниках «темные князья» Подолья характеризуются как наследственные

правители («отчичи и дедичи Подольскои земли» [ПСРЛ (35): 66, 74]), что прямо адресует нас к описанной выше монгольской практике наследования должностей темников и других децимальных начальников.

Через полстолетия, как мы уже видели, литовский князь Витовт заключил взаимовыгодный союз с Тохтамышем против Тимур-Кутлуга. В обмен на помощь в завоевании ордынского престола Витовт рассчитывал, что Тохтамыш, став новым ханом, передаст ему власть над Москвой и другими русскими землями:

> ...а ты мене посади на Московьскомъ великомъ княжении и на всей семенатьцати темъ и на Новеграде Великомъ и на Пъскове [ПСРЛ (22 / 1): 423].

Когда бы ни была сделана эта запись, из слов, приписанных русским летописцем Витовту, следует, что Московское «великое княжение» в период политической зависимости от Орды не только в Литве, но и на Руси должно было восприниматься как совокупность организованных монголами административных и налоговых округов — туменов, или тем, — и подобные представления оставались актуальными вплоть до конца XIV в.

Перечень туменов, определявший общий размер и конкретный территориальный состав ханских пожалований, по-видимому, присутствовал в ныне утраченных ярлыках правителей Золотой Орды, выдававшихся московским и другим русским князьям. Подобные перечисления мы находим в русских переводах жалованных ярлыков крымских ханов литовским князьям и польским королям. К перечням такого рода, очевидно, адресуются русские летописцы, когда сообщают о передаче Наврузом 15 тем Андрею Константиновичу и обещании Тохтамыша передать Витовту 17 тем, в обоих случаях составлявших «великое княжение» [Греков 1975: 226–227; Пенской, Пенская 2022: 638].

Вплоть до времени полного распада Золотой Орды темники сохраняли значение как военачальники, командиры соответствующих подразделений ханской армии, непосредственно участвовавшие в боевых действиях. Этот факт также получает объективное подтверждение в источниках, независимых от делопроизводства ханской канцелярии.

2 марта 1462 г. молдавский господарь Стефан сообщил своему сюзерену, польскому королю Казимиру IV, что у него в плену находятся сыновья, темники и огланы ордынского хана Сеид-Ахмета, которых он обещал никому не передавать, кроме как самому польскому королю:

> И пак тоты истины Седи-Ахматови сынове, што соут нинече по божии милости оу наших роуках, и ис дроугими темники и оуланы, а мы имаемо их твердо и остаточно держати [DSM (2): 292].

Внук Тохтамыша, Сеид-Ахмет, в 1430-е — начале 1450-х годов был одним из сильнейших татарских правителей, боровшимся за восстановление политического единства и могущества Золотой Орды. Получая дань от московского князя Василия Темного, он в 1442 г. вынудил польского

короля Владислава III заключить «вечный мир», условием которого была выплата ежегодного «дара», собираемого с податного населения Подолья. Сеид-Ахмет добивался полного подчинения литовских князей, участвуя в военных кампаниях против них и поддерживая своих ставленников на литовский престол. Однако между 1454 и 1456 г. он был разбит Хаджи-Гиреем и вместе с сыновьями, женами и 300 приближенными бежал в Киев, откуда был выдан Казимиру IV, и умер в заточении в Ковно [Kołodziejczyk 2011: 12–13; Почекаев 2012: 244–252; Mika 2020: 64–65, 72–75, 79–81; Gulevych 2021b: 372–374].

Пик военно-политической активности Сеид-Ахмета приходится на начало 1450-х годов, когда его ставленник на литовский престол контролировал семь русских пограничных городов. В августе 1450 г. Сеид-Ахмет опустошил Галичину и Подолье и едва не пленил мазовецкого князя Владислава. В январе 1451 г. Галичина вновь подверглась его нападениям, а один из сыновей Сеид-Ахмета напал на Москву. Летом того же года татары отвоевали замок у волынского князя Ивана Чарторыйского. В 1452 г. Сеид Ахмет пять раз нападал на Галичину, и в следующем году татары продолжили нападать на литовские и московские владения [Gulevych 2021b: 373].

Несомненно, войско Сеид-Ахмета строилось по десятичному принципу и управлялось темниками, часть из которых, как мы видели, оказалась в молдавском плену после поражения хана. Весьма вероятно, что это войско комплектовалось в том числе рекрутами, набранными в зависимых русских землях, или военнопленными, захваченными во время многочисленных набегов на русские владения польского короля, литовского и московского князей.

Основанием для такого предположения может служить следующее наблюдение. Анализ иммунитетных прав православного духовенства, закрепленных в ханских ярлыках русским митрополитам, показывает, что среди прочего последним предоставлялось освобождение от специального налога на содержание ханского войска или освобождение от воинской повинности, т. е. от мобилизации воинов из числа зависимых от Церкви людей (в русских источниках такая повинность обозначалась термином *воина*) [Григорьев 2004: 34; Почекаев 2022: 119]. Следовательно, все те, кто не получил подобного освобождения, считались военнообязанными и должны были отбывать воинскую повинность в том или ином ее виде.

Воина и *черик*

Строго говоря, освобождение от воинской повинности зафиксировано только в одном из известных ныне ханских ярлыков русским митрополитам — ярлыке Менгу-Тимура, датированном 1267 г.:

> Дань ли или иное что ни будеть, тамга, поплужное, ям, воина кто чего ни попросить ‹...› которая дань, или поплужное, или под-

> вода, или корм кто ни будеть, да не просять; ям, воина, тамга не дають [Зимин 1955: 467].

Термин *воина* в данном тексте, несомненно, употребляется в значении ‘повинности, поборы, связанные с ведением войны’ [СлРЯ XI–XVII вв. (2): 310]. В техническом смысле это могло означать в том числе поставку рекрутов во время военных действий [Зимин 1955: 477].

Утверждение С. А. Масловой [2023: 642], будто в ярлыке Менгу-Тимура *воина* предстает «не названием реально существовавшей подати, а вставкой, призванной увеличить число разнообразных повинностей, от выполнения которых освобождались представители русского духовенства», не может быть принято. Оно основано главным образом на сравнении ярлыка Менгу-Тимура с документами империи Юань, предоставлявшими иммунитетные права духовным лицам различных конфессий, где ничего не говорится об освобождении от воинской повинности или налога на содержание войска.

По мнению исследователя, юаньские документы являются «наиболее подходящими для сравнения» с золотоордынскими ярлыками русским митрополитам [Маслова 2023: 638]. В действительности дело обстоит иначе. Следует учитывать, что документы Юань отражают особую специфику монгольского правления в Китае, в частности особенности наложения и исполнения воинской повинности. Не все население Китая, зарегистрированное монгольскими переписями, считалось военнообязанным. Таковыми были только «военные домохозяйства», записанные в особые «военные регистры». Последние существовали наряду с общими регистрами для всего населения, куда записывались «гражданские домохозяйства», составлявшие основную часть податного населения, обязанностями которого были уплата налогов и выполнение гражданских повинностей [Allsen 1987: 123–124, 129–130, 194]. Очевидно, что в «военные регистры» не включались члены религиозных общин, а также зависимые от них лица, проживавшие на землях храмов или монастырей, поэтому для них не требовалось специального освобождения от воинской службы.

Для получения более корректных выводов ярлык Менгу-Тимура следует сравнивать с иммунитетными документами Золотой Орды. Далее мы покажем, что такое сравнение возможно и оно обнаруживает прямые соответствия с практикой, описываемой русским термином *воина* в значении воинского призыва или налога на содержание войска.

В древнейшем из сохранившихся на языке подлинника золотоордынских документов — ярлыке Тохтамыша, выданном в 1381 г. некоему ханскому подданному по имени Бек-хаджи, владения последнего (Сюткёльский иль), располагавшиеся где-то по течению реки Молочной (современная Запорожская область), освобождались от различных видов податей и повинностей. В частности, в документе содержится требование, чтобы «лица, получившие полномочия от тюмена, кто бы они ни были, не домогались и не забирали на стоянках, расположенных внутри и вне Крыма, причисленных к Сюткёлю людей» (цит. по: [Григорьев 2006: 95]).

«Лица, получившие полномочия от тюмена», как и упомянутые в этом же документе «власть имущие от тюмена», — это, несомненно, начальники децимальной организации, возглавляемые темником, или связанные с ней официальные лица. Очевидно, в ярлыке речь идет о чиновниках крымского тумена, в ведении которых были также земли и население Северо-Западного Приазовья. Тохтамыш запретил им облагать граматчика, получившего тарханство, а также людей, зависимых от Сюткёльского иля, различными налогами и повинностями. В частности, запрещалось предъявлять рекрутские требования и проводить набор в ханскую армию («домогаться» и «забирать») среди людей, причисленных к Сюткёльскому илю. Иными словами, люди, зависимые от Бека-хаджи, освобождались от воинской повинности, т. е. от поставок солдат в армию хана [Григорьев 2006: 93].

Приведенный документ показывает, что в Золотой Орде вплоть до конца XIV в. темники и другие начальники децимальной организации имели непосредственное отношение к взиманию различных налогов в ханскую казну, а также обязательных для податного населения повинностей, важнейшей из которых была рекрутская. Только в исключительных случаях специальным решением ханы ограничивали деятельность децимальных начальников по реализации их фискальных полномочий в отношении лиц (земельных владений), получивших тарханство.

Воинская повинность — предоставление воинов в армию хана с определенной территории по установленным квотам — или соответствующий налог в средневековых персидских источниках обозначаются термином *черик* (*charik*) или *чериг* (*cherig*). Этим же термином обозначались и вспомогательные войска, набранные в том числе из оседлого населения завоеванных монголами регионов [Doerfer 1967: 65–67].

Кроме персидских источников термин *черик* обнаруживается также в золотоордынских документах. В еще одном раннем ярлыке, сохранившемся на языке оригинала, ныне атрибутируемом Улуг-Мухаммеду и датируемом 1420 г., среди причитающихся хану налогов, собираемых в Крыму (Керченский эль), фигурирует *черик* / *чериг* (*čerig*). Хан потребовал оказывать содействие получателям ярлыка, уполномоченным для сбора различных налогов, среди которых отмечены: «дневная подать, ночной сбор, орун, черик, тюкарек» и др. *Черик* выступает здесь в значении ‘войско’, т. е. ‘сбор на армию’ [Григорьев 2006: 122, 130, 132].

Следовательно, фискальные практики, описываемые термином *черик* (русским эквивалентом которого, несомненно, был термин *воина*), в Золотой Орде продолжались еще в первой половине XV в., т. е. в то время, когда были сделаны переводы ханских ярлыков русским митрополитам. Поэтому термин *воина* в русском переводе ярлыка Менгу-Тимура нельзя считать позднейшим фальсификатом. Использование его в документе, предназначенном для Руси и специально переведенном на русский язык, свидетельствует, что повинности, непосредственно связанные с попол-

нением и/или содержанием ханского войска, сохраняли актуальность вплоть до полного освобождения русских земель от власти Орды.

В итоге мы приходим к выводу, что монгольская десятичная организация, внешним признаком которой было наличие туменов, темников и других децимальных начальников, продолжала свое существование в русских землях со времен переписей податного населения еще не менее столетия, а возможно, и вплоть до полного освобождения от власти Орды. Под «ратными князьями» русских переводов ордынских ярлыков следует понимать прежде всего монгольских/ордынских темников и тысячников. Нет оснований видеть в них русских князей, будто бы сменивших собой ордынских администраторов.

В период существования децимальной организации связанные с ней официальные лица были непосредственно причастны к регулированию фискальных отношений на подведомственных территориях. Одной из их функций был контроль за исполнением воинской повинности. По-видимому, децимальные начальники или их представители («лица, получившие полномочия от тюмена») непосредственно участвовали в наборах солдат для своего тумена и освобождались от этой обязанности только в силу особого решения хана о предоставлении тарханства.

Воинская повинность

Предоставление в монгольскую армию русских воинских контингентов, которыми во время боевых действий командовали местные князья, было основной формой воинской повинности, обязательной для всех подданных хана на Руси. Ее специфика заключалась в том, что князья сами собирали и доставляли воинов в ханскую армию, подобно тому как они сами собирали и доставляли хану причитающиеся денежные выплаты. Разумеется, все это требовало контроля со стороны ханской администрации, в том числе со стороны децимальных начальников.

Как и дань, рекрутская повинность распределялась между всем податным населением русских земель, учтенным в результате монгольских переписей. Не подлежали переписи, по словам летописца, только духовенство и церковнослужители:

> ...толико не чтоша игуменовъ, чернецовъ, поповъ, крилошанъ, кто зрить на святую Богородицю и на владыку [ПСРЛ (1). Стб. 475].

Очевидно, что значительная категория зависимых от Церкви людей, проживавших на принадлежащих ей землях, попала в переписные регистры, обязывалась платить различные налоги и нести повинности, в том числе воинскую. В противном случае освобождение от последней незачем было включать в число иммунитетных прав Церкви — ни действительных, ни фиктивных.

Несомненно, система набора войск среди покоренных народов практиковалась монголами повсеместно со времен великих завоеваний. В от-

личие от китайских и персидских источников русские летописи и другие источники не содержат сведений о том, как работала эта система в русских землях. Сказанное, однако, не означает, что вспомогательные войска, набранные на Руси и состоявшие из русских бойцов, никогда не использовались монголами. Наоборот, многочисленные источники свидетельствуют об участии русских войск в завоевании Польши и Венгрии во время Великого западного похода, а из русских летописей известны факты участия русских князей со своими отрядами в военных кампаниях Золотой Орды [Майоров 2024].

При изучении военной службы русских князей ордынским ханам и военной повинности русского населения вообще обычно рассматриваются только факты, относящиеся к XIII в. (см.: [Горский 2014: 76; Маслова 2023: 642]). В результате возникает неверное впечатление, что в последующее время военная служба стала необязательной, а исполнение воинской повинности прекратилось. Вследствие этого значение децимальной организации как мобилизационной структуры должно было существенно снизиться, и она сравнительно быстро прекратила свое существование в русских землях.

По нашему мнению, военная служба золотоордынскому хану оставалась обязательной для его русских подданных вплоть до конца XIV или даже до начала XV в. После антиордынского восстания в Твери хан Узбек отправил на Русь большое карательное войско, к которому с готовностью присоединились московский князь Иван Калита вместе с суздальским князем Александром Васильевичем (зима 1327/1328 г.) [ПСРЛ (15/1): 43–44; (18): 90]. Спустя десятилетие Узбек отправил карательные войска в поход на Смоленск в ответ на признание местным князем Иваном Александровичем суверенитета литовского князя Гедимина, враждовавшего с Ордой. К татарам присоединились русские войска, посланные Иваном Калитой, а также суздальский, ростовский, юрьевский, друцкий и фоминский князья (зима 1339/1340 г.) [ПСРЛ (15/1): 51–52; (18): 93].

Об участии русских войск в ордынских походах 1320-х годов против Польши известно из нескольких папских булл этого же времени, в которых отмечены героизм и самоотверженность польских правителей в отражении агрессии «татар и схизматиков» [Theiner 1860: 205 (no. 316), 215 (no. 334), 217 (no. 338)]. В 1340–1350-е гг. русские участвовали в войнах татар с венграми [Vásáry 2021: 165–168]. В 1340 г. по приказу хана Узбека значительное татарское войско, к которому присоединилось множество русских, напало на Польшу и после тяжелой осады взяло Люблин [МРН (2): 621–622] (см.: [Hautala 2021: 180–182]).

Осенью 1388 г. для похода против Тимура (Тамерлана) Тохтамыш собрал войско «со всего улуса Джучи», в котором, согласно Шараф ад-дину Язди, закончившему свой труд в 1425 г., русские играли первую роль:

> Из русских, черкесов, булгар, кипчаков, аланов, [жителей] Крыма с Кафой и Азаком, башкирдов ‹...› собралось войско изрядно большое [Зафар-намэ 2003: 337–338].

Русские летописи подтверждают участие в этой кампании только нижегородского князя Бориса Константиновича, которому через 30 дней после начала похода Тохтамыш приказал вернуться в Сарай [ПСРЛ (15/1): 156–157; (18): 139].

В начале XV в. московский князь Василий Дмитриевич специально обсуждал со своими боярами стратегию дальнейших отношений с Ордой. Мнения бояр тогда разделились, и князь должен был сам принимать окончательное решение. Выбирая между выплатой дани и участием в совместных военных предприятиях с ордынцами, Василий Дмитриевич склонялся в пользу последнего, что вызвало осуждение со стороны некоторых его советников [ПСРЛ (15/1): 180–186; (18): 155–159] (см.: [Горский 2000: 131–133]).

Особый интерес представляет уже упомянутая нами договорная грамота 1352 г., в которой литовские князья, правившие на Волыни, обещали оказывать военную помощь польскому королю Казимиру III и мазовецким князьям в войне с татарами. По условиям договора исключение составляли случаи, когда русское население Волыни и Галичины будет мобилизовано на войну с поляками по приказу хана и станет частью ордынского войска: «Аже поидуть татарове на ляхы, тогда руси неволя — поити ис татары» [Пещак 1974: 30–31].

Несмотря на переход некоторых столов к литовским князьям, население Юго-Западной Руси в XIV в. продолжало платить дань в Орду и нести воинскую повинность в пользу хана. После временного ослабления Орды, вызванного эпидемиями чумы и внутриполитическим кризисом 1360–1370-х годов («великая замятня»), с приходом к власти Тохтамыша зависимое положение русских земель как на Северо-Востоке, так и на Юго-Западе, в значительной мере было восстановлено [Gulevych 2021a: 352–355].

Тохтамыш предоставил Витовту в управление земли Юго-Западной Руси на стандартных условиях, требуя взамен выплаты дани и поставки солдат в ханскую армию. Предположение об особых политических уступках и признании Тохтамышем своего равенства с Витовтом [Пенской, Пенская 2022: 638] неосновательно. Трудно допустить, чтобы уже в XIV в. Чингизиды, передавая право управлять завоеванными ими землями другим лицам, в своих жалованных ярлыках признавали бы этих последних равными себе в политическом отношении. С другой стороны, литовские правители никогда не упоминали предполагаемый ярлык Тохтамыша Витовту и не использовали его в качестве аргумента в политических целях. Сам факт «дарения» отражает убежденность хана в том, что он имел право распоряжаться пожалованными землями как их законный владелец, а следовательно, и сюзерен литовских великих князей [Kołodziejczyk 2011: 269]. Именование литовских князей и польских королей «братьями» в официальных документах крымских ханов появляется только во второй половине XV в. В 1474 г. такого же права добиваются и московские князья. Древнейшая из сохранившихся посольских книг — книга крымских

дел — открывается договоренностью великого князя Ивана III с ханом Менгли-Гиреем о том, что впредь московский государь будет подписываться, обращаясь к татарскому хану, не «холопом», а «братом» [Сб. РИО (41): 4–5] (см.: [Moiseev 2021: 280–281]).

В ярлыке польскому королю и литовскому великому князю Казимиру IV, датируемом 1461–1463 гг., крымский хан Хаджи-Гирей, выказывая себя полноправным преемником золотоордынских ханов, подтвердил пожалования, сделанные Тохтамышем, на прежних условиях, потребовав выплаты со всех русских земель соответствующих налогов в свою казну: «...i podatki nieodmiennie mają dawać» [Kołodziejczyk 2011: 530] (см.: [Петрунь 1928: 172; Почекаев 2006: 219]).

Практика регулярных выплат в казну крымских ханов продолжалась в XVI в. В дипломатической переписке с ханами как польско-литовские, так и московские правители выражали свою полную лояльность. Ханы принимали это как должное и, требуя продолжения выплат, не упускали случая добавить, что соперник (соответственно польско-литовский или московский правитель) недавно предложил увеличить свою дань [Kołodziejczyk 2011: 448].

Пользуясь трудным положением Тохтамыша, Витовт мог получить только обещание передать ему в управление земли Северо-Восточной Руси, а также Новгород и Псков, разумеется, в случае победы над Тимур-Кутлугом, захватившим золотоордынский престол с помощью Тамерлана. Взамен Витовт предоставил своих солдат Тохтамышу, и их объединенные силы потерпели жестокое поражение от Тимур-Кутлуга и Едигея в битве на реке Ворскле (12 августа 1399 г.). Именно русские отряды под командованием местных князей, мобилизованные с русских земель, переданных в управление Витовту, составляли основную часть армии Тохтамыша, русские же понесли и наиболее значительные потери в результате катастрофы на Ворскле [Mika 2020: 59 (здесь же основная литература вопроса)].

Только в первые десятилетия XV в., воспользовавшись новым политическим ослаблением Орды, Витовт фактически прекратил выполнять свои обязательства перед ханами, быстро сменявшими друг друга (некоторые из них пользовались прямой поддержкой Литвы) [Почекаев 2012: 225–226; Jackson 2018: 187–188; Gulevych 2021b: 369–371]. Схожую политику проводил московский князь Василий Дмитриевич, женатый на дочери Витовта. Внешне соглашаясь на выплату дани Едигею и его ставленникам, он фактически задерживал ее и предпочитал уклоняться от участия в невыгодных Москве военных кампаниях Орды [Горский 2000: 126–136].

Возвращаясь к литовско-польскому договору 1352 г., мы должны констатировать: когда литовские князья обещали не воевать с поляками, последнее еще не означало, что против поляков не будет мобилизовано население русских земель, управляемых литовскими князьями с разрешения хана. Очевидно, что при таком положении дел мобилизация русских войск в ханскую армию проводилась не столько литовскими князьями,

сколько местной ордынской администрацией, и прежде всего децимальными начальниками, сохранявшими свое присутствие на Руси.

Добиваясь через столетие восстановления власти Орды над южнорусскими землями, Сеид-Ахмет принудил литовских князей к заключению мирного договора, по которому Орде обеспечивалось получение выплат с некоторых русских земель. Известно, что в 1499 г. крымский хан требовал восстановления порядков, существовавших «при Седехмате при царе», когда в пользу Орды поступал ясак с территории Киевской земли, а сбором его занимались татарские дараги, сидевшие в Каневе, Черкасах, Путивле и других городах (условия мира Менгли-Гирея с великим князем литовским Александром Казимировичем, присланные для ознакомления Ивану III) [Сб. РИО (35): 290–291]. Едва ли мы ошибемся, предположив, что целью Сеид-Ахмета было возобновление не только денежных выплат, но и других повинностей подданных Орды, включая военную службу в ханской армии, что было необходимым условием реализации его амбициозных планов.

Децимальная организация и ее представители в середине XV в.

В 1445 г. Улуг-Мухаммед, главный соперник Сеид-Ахмета в борьбе за возрождение единства и могущества Золотой Орды, взял в плен московского великого князя Василия Темного и затем освободил в обмен на обещание огромного выкупа. Теперь Василия сопровождал многочисленный татарский конвой, а земли Северо-Восточной Руси наводнили татарские сборщики дани. Противниками князя был пущен слух, что, согласно тайной договоренности с Улуг-Мухаммедом, Василий уступал ему Москву и другие русские города:

> ...царь на том отпустилъ великого князя, а онъ ко царю целовалъ, что царю седети на Москве и на въсех градех руских... [ПСРЛ (27): 110].

Подобная договоренность означала установление непосредственного ордынского правления на Руси с заменой княжеской администрации ханскими чиновниками, в том числе представляющими децимальную организацию. Хотя вероятность перемен такого рода в середине XV в. могла быть преувеличенной, нет сомнений, что в течение всего периода ордынского господства на Руси жили опасения насчет возможности смены режима. Обострение русско-ордынских отношений неоднократно приводило к всплескам тревожных ожиданий того, что правители Орды перейдут от взимания дани с сохранением у власти русских князей к непосредственному управлению [Горский 2014: 59]. Так или иначе, вплоть до полного распада Золотой Орды за ее «царями» на Руси вынуждены были признавать право менять форму правления. Реализация такого права становилась актуальной в периоды политического усиления Орды, пусть даже кратковременного.

Зимой 1444/1445 г. Улуг-Мухаммед обосновался в Нижнем Новгороде, а затем занял Муром, и эти действия, несомненно, могли восприниматься как демонстрация намерения занять другие города и установить прямое ордынское правление в Северо-Восточной Руси [Горский 2000: 145–146]. О том, что установление прямого ханского правления в русских землях должно было привести к восстановлению десятичной организации и ее основных территориально-административных подразделений — туменов, — свидетельствует следующий факт. Переход Нижегородского княжества под власть Улуг-Мухаммеда незамедлительно привел к восстановлению на его территории пяти туменов. Эти тумены («пятетем Новъгородскую») летом 1445 г. хан передал в управление суздальским князьям Василию и Федору Юрьевичам. Согласно уже упомянутому договору с Дмитрием Шемякой, заключенному в том же 1445 г., последний обязывался «во всю пятетем Новъгородскую ‹...› не въступатися ничим» [ДДГ: 119].

Как уже говорилось, русские князья в своих документах обычно избегали любых упоминаний об ордынских тьмах и децимальных начальниках. Исключение составляет только процитированный документ 1445 г., представляющий собой проект договора Василия и Федора Юрьевичей, внуков суздальского князя Василия Кирдяпы, с претендовавшим на великое княжение Московское Дмитрием Шемякой. После пленения Василия Темного Улуг-Мухаммед вывел нижегородско-суздальские земли из состава Московского великого княжества и восстановил Нижегородско-Суздальское княжество, передав его Василию и Федору Юрьевичам. Последние подготовили проект договора с Шемякой, который предусматривал признание суверенности их прав на Суздаль, Нижний Новгород и Городец, и Шемяка дал предварительное согласие на подписание этого договора [Горский 2010: 68].

По-видимому, русские князья были готовы признавать ордынскую децимальную систему в тех случаях, когда соглашались или были вынуждены полностью подчиниться власти хана в обмен на получение от него новых щедрых пожалований. Летом 1445 г. в таком положении оказались Дмитрий Шемяка, готовившийся принять ярлык на великое княжение Московское, а также Василий и Федор Юрьевичи, получившие восстановленное Суздальско-Нижегородское княжество. Примечательно, что в проекте договора между ними нижегородско-суздальские земли описываются двояко: князья Василий и Федор определяют их, с одной стороны, как «прадедину нашю, и дедину, и отчину, Суздаль, Новгород и Городець», а с другой — как ханское пожалование: «вся пятетем Новъгородская».

Очевидно, указание на «пятетем Новъгородскую» является прямой ссылкой на ярлык Улуг-Мухаммеда о передаче Василию и Федору Юрьевичам пяти туменов, территория которых соответствовала Суздальско-Нижегородскому княжеству, что подтверждало их права на эти земли в предстоящих договоренностях с Шемякой. Эти пять туменов по воле хана были выведены из состава великого княжения, и размер последнего, таким образом, был уменьшен.

Такая же ссылка на ханский ярлык присутствует в сообщении Рогожского летописца о передаче Наврузом «княжения великого 15 темь» нижегородскому князю Андрею Константиновичу в обход юного московского князя Дмитрия Ивановича (1360 г.). Не пожелав принимать ханское пожалование, Андрей уступил великое княжение Владимирское своему младшему брату Дмитрию Константиновичу [ПСРЛ (15/1): 68–69]. Для обоснования законности всех этих действий, очевидно, требовалась ссылка на ханский ярлык, в котором «великое княжение» было представлено в виде перечня, состоявшего из 15 туменов.

В конце XIV в. к ним добавились еще два тумена, о чем свидетельствует летописное упоминание об обещании Тохтамыша передать Витовту «семенатьцати темъ», образующих «Московьское великое княжение» [ПСРЛ (22/1): 423]. Разделение земель Северо-Восточной Руси на тумены, которые составляли как «великое княжение» в целом, так и выделяемые из него части, передаваемые в управление русским князьям по выбору ханов, сохраняло свою актуальность как минимум до середины XV в., и земельные пожалования русским князьям в ханских ярлыках всегда описывались в виде перечней туменов, в целом соответствовавших русским волостям или княжествам.

Кто осуществлял полномочия децимальных начальников в Северо-Восточной Руси в середине XV в.? Как уже говорилось, главными условиями освобождения Василия Темного из плена были уплата выкупа и возобновление политической зависимости от Орды, по-видимому, в более жестких формах, чем прежде. Для контроля за выполнением великим князем обязательств перед ханом русские земли наводнило множество татар с фискальными полномочиями, представлявших в том числе десятичную организацию, роль которой в новых условиях значительно возросла.

Московские летописи опускают подробности возвращения Василия Темного из ордынского плена. Однако псковский и тверской летописцы отметили, что Василий вернулся в сопровождении пятисот татар [ПСРЛ (5/1): 47], чьей целью было «дани имати великиа» и прежде всего выкуп, который князь обещал за свое освобождение [ПСРЛ (15). Стб. 492]. Эти фискальные администраторы воспринимали свое пребывание на Руси как постоянное и не собирались покидать русские земли после убийства Улуг-Мухаммеда (конец 1445 или начало 1446 г.).

Их пребывание в русских землях какое-то время признавал также Дмитрий Шемяка, считавший себя великим князем московским. Изгнать этих татар можно было только после полного примирения и согласованных действий Василия Темного и Шемяки. 29 декабря 1447 г. участники малого собора Московской митрополии обратились к последнему с призывом признать власть Василия Темного, чтобы выпроводить татар с Руси:

> А которого часа своим братом старейшим, с великим князем управишься во всем чисто, по крестному целованью, ино мы ся в

> том имаем, что того же часа князь велики татар из земли вон отшлет [Плигузов 1986: 109].

Однако Шемяка не последовал этому призыву и продолжил конфронтацию.

После убийства Улуг-Мухаммеда большинство ранее знакомых Москве представителей ордынской знати оказалось на службе у Сеид-Ахмета. На несколько лет он стал единоличным сюзереном московского князя. Однако уже в 1449 г. Василий Темный перестал признавать власть этого хана, после чего начались систематические набеги татар его орды на московские владения. В договоре Василия Темного с Казимиром IV, королем польским и великим князем литовским (31 августа 1449 г.), оговаривалась возможность совместных действий против татар, нападающих на литовские и московские владения [ДДГ: 160–161] (см.: [Горский 2000: 146–148]). Только отказавшись признавать власть Сеид-Ахмета и отбив его атаки, Василий Темный, вероятно, смог освободиться от назойливого присутствия ордынцев в своих владениях, в большом количестве появившихся в Северо-Восточной Руси вследствие катастрофы 1445 г.

В договоре Василия Темного с суздальским князем Иваном Горбатым, датируемом тем же 1449 г., московский князь потребовал отдать ему все старые ханские ярлыки на Суздальско-Нижегородское княжество и отказаться от получения новых. В документе уже ничего не говорилось о пяти туменах (тьмах), существовавших в этом княжестве, и об их татарских начальниках, а причитавшаяся Орде дань («царев выход») должна была доставляться в Москву. Тем не менее в договоре по-прежнему видны следы монгольской системы налогообложения, предполагавшей введение децимальной организации: дань с Суздальско-Нижегородского княжества должна была собираться «по описи, по людем» [ДДГ: 157], т. е. на основании результатов монгольских или ордынских переписей податного населения.

* * *

Таким образом, во второй половине XIV — первой половине XV в. русские князья были вынуждены признавать существование в своих «отчинах», как и на территории «великого княжения» Владимирского / Московского, ордынской децимальной организации, возникшей в результате монгольских переписей податного населения середины XIII в. Созданная с целью обеспечения сбора налогов и мобилизации солдат в монгольскую армию, она должна была выполнять свои главные функции и в последующее время. Разумеется, эффективность децимальной организации зависела от фактического соотношения сил Руси и Орды. Несмотря на общую тенденцию к политическому ослаблению последней, ордынские ханы настаивали на сохранении децимальной организации в русских землях, а русским князьям не удавалось добиться ее полной ликвидации. Пребывание децимальных администраторов на Руси в той или иной мере продолжалось вплоть до полного освобождения от власти Орды.

В отличие от митрополитов и других служителей Церкви, русские князья, насколько можно судить, не имели официального освобождения от воинской повинности. Конечно, время от времени князья могли уклоняться от исполнения военных обязательств перед ханом, как и отказываться от выплаты дани. Однако в периоды усиления ханской власти выплаты дани возобновлялись, а с ними, вероятно, и исполнение других обязательств. К числу последних должна была относиться и воинская повинность — будь то предоставление солдат или соответствующие денежные выплаты.

Во всяком случае, требования такого рода с высокой вероятностью регулярно предъявлялись к русским князьям, будучи зафиксированными в ханских ярлыках. Правовое содержание и типовой формуляр таких документов ныне могут быть реконструированы на основании широкого круга сравнительных материалов. Описанные в них обязанности князей и десятников должны были подразумевать участие не только в военных действиях против внешних врагов, но и в карательных операциях непосредственно в русских землях, когда по ханскому приказу одни князья воевали с другими [Почекаев 2022: 91 (примеч. 1), 98].

Отказ или задержки с исполнением финансовых или военных обязательств русских князей перед ордынскими ханами приводили к карательным набегам с целью грабежа и захвата пленных. Практика такого рода продолжалась вплоть до полного распада Золотой Орды. С большим или меньшим успехом ее пытались продолжать и правители постордынских государств. Подобные акции могли рассматриваться ордынскими и постордынскими властями как законные меры по экспроприации недоимок и принудительной мобилизации в ханскую армию.

Источники

DSM (2) — Documentele lui Ştefan cel Mare / Publ. de I. Bogdan. Vol. 2. Bucureşti: Atelierele grafice Socec & Co.; Societate Anonimă, 1913.

MPH (2) — Monumenta Poloniae historica: Pomniki dziejowe / Wyd. A. Bielowski. T. 2. Lwów: Nakładem własnym, 1872.

Theiner 1860 — Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia ... / Ed. A. Theiner. T. 1. Romae: Typis Vaticanis, 1860.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. текста Л. В. Черепнин; Отв. ред. С. В. Бахрушин. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.

Зафар-намэ 2003 — Из сочинения Шереф-ад-дина Йезди «Книга побед» (Зафар-намэ) // Золотая Орда в источниках. Т. 1: Арабские и персидские сочинения: Сб. материалов, относящихся к истории Золотой Орды, в переводах В. Г. Тизенгаузена / Сост., ввод. ст. и коммент. Р. П. Храпачевского. М.: [Наука], 2003. С. 328–372.

Зимин 1955 — *Зимин А. А.* Ярлыки татарских ханов московским митрополитам // Памятники русского права. Вып. 3 / Под ред. Л. В. Черепнина. М.: Изд-во юрид. лит., 1955. С. 463–491.

Пещак 1974 — Грамоти XIV ст. / Упоряд. М. М. Пещак. Київ: Наук. думка, 1974.

Плигузов 1986 — *Плигузов А. И.* Формулярный извод послания малого собора московской митрополии [галицкому] князю Дмитрию Юрьевичу [Шемяке], при-

зывающего Шемяку к покорности великому князю Василию Васильевичу // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. [Вып. 1] / [Подгот. текстов А. И. Плигузова и др.; Под ред. В. И. Буганова]. М.: [Ин-т истории СССР АН СССР], 1986. С. 103–115.

Плигузов 1987 — *Плигузов А. И.* Древнейший список Краткого собрания ярлыков, данных золотоордынскими ханами русским митрополитам // Русский феодальный архив XIV — первой трети XVI века. [Вып. 3] / [Подгот. текстов А. И. Плигузова и др.; Под ред. В. И. Буганова]. М.: [Ин-т истории СССР АН СССР], 1987. С. 571–594.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись / [Под ред. Е. Ф. Карского; Предисл. Б. М. Клосса]. М.: Языки рус. культуры, 1997; Т. 2: Ипатьевская летопись / [Под ред. А. А. Шахматова; Предисл. Б. М. Клосса]. М.: Языки рус. культуры, 1998; Т. 5. Вып. 1: Псковские летописи / [Под ред. А. Н. Насонова; Предисл. Б. М. Клосса]. М.: Языки славян. культуры, 2003; Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверской летописью / [Под ред. А. Ф. Бычкова]. СПб: Тип. Л. Демиса, 1863; Т. 15. Вып. 1: Рогожский летописец / [Под ред. Н. П. Лихачева]. Пг.: [Б. и.], 1922; Т. 18: Симеоновская летопись / [Под ред. А. Е. Преснякова]. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913; Т. 22. Ч. 1: Русский хронограф / [Под. ред. С. П. Розанова]. СПб: Тип. М. А. Александрова, 1911; Т. 27: Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века / [Отв. ред. А. Н. Насонов]. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962; Т. 35: Летописи белорусско-литовские / [Отв. ред. Н. Н. Улащик]. М.: Наука, 1980.

Сб. РИО — Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 35 / [Под ред. Г. Ф. Карпова]. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1882; Т. 41 / [Под ред. Г. Ф. Карпова]. СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К°, 1884.

Справочные издания

СлРЯ XI–XVII вв. (2) — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 / [Сост. Г. А. Богатова, Г. Я. Романова]. М.: Наука, 1975.

Литература

Абзалов и др. 2023 — *Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.* Ярлык о назначении эмира тумена из «Дастур ал-катиб» и статус темников в Улусах Хулагу, Джучи и Чагатая // Золотоордынское обозрение. Т. 11. № 3. 2023. С. 592–610. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-3.592-610.

Владимирцов 2002 — *Владимирцов Б. Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. С. 295–488.

Горский 2000 — *Горский А. А.* Москва и Орда. М.: Наука, 2000.

Горский 2010 — *Горский А. А.* От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII — XV в. М.: Индрик, 2010.

Горский 2014 — *Горский А. А.* Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. Т. 10 (157). 2014. С. 58–79.

Горский 2019 — *Горский А. А.* Русское средневековое общество: Историко-терминологический справочник. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2019.

Греков 1975 — *Греков И. Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М.: Наука, 1975.

Григорьев 1978 — *Григорьев А. П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (Чингизидские жалованные грамоты). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978.

Григорьев 2004 — *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004.

Григорьев 2006 — *Григорьев А. П.* Золотоордынские ярлыки: поиск и интерпретация // Тюркологический сборник. 2005: Тюркские народы России и Великой степи / Редкол.: С. Г. Кляшторный и др. М.: Вост. лит., 2006. С. 74–140.

Зеленеев и др. 2024 — *Зеленеев Ю. А., Пигарёв Е. М., Ситдиков А. Г.* Нижневолжский центр Улуса Джучи в XIII–XV вв.: историко-археологическая реконструкция (к 770-летию города Сарай) // Археология Евразийских степей. 2024. № 2. С. 82–88. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.82.88.

Зотов 1892 — О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время / Исслед. Р. В. Зотова. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1892.

Кучкин 2021 — *Кучкин В. А.* Завоевание Руси Батыем и ордынский «выход» // Русь в XIII–XV веках: Новые открытия в области археологии и истории / [Редкол.: Л. А. Беляев, Е. Л. Конявская и др.]. М.: Индрик, 2021. С. 22–35.

Майоров 2022 — *Майоров А. В.* Русские земли в фискальной политике хана Мунке // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 67. Вып. 4. 2022. С. 1033–1046. https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.401.

Майоров 2023a — *Майоров А. В.* Милей, Куремса и хан Мунке: Южная Русь под монгольским контролем // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2023. № 2 (92). С. 41–56. https://doi.org/10.25986/IRI.2023.2.006.

Майоров 2023b — *Майоров А. В.* «Умиротворение и контроль»: Монгольское правление на Руси в середине XIII в. // Российская история. 2023. № 5. С. 3–22. https://doi.org/10.31857/S2949124X23050012.

Майоров 2024 — *Майоров А. В.* Русские войска в армии монголов // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 69. Вып. 3. 2024. С. 548–565. https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.301.

Майоров 2026 — *Майоров А. В.* Монгольская хилиархия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. Т. 71. № 1. 2026. С. 50–65.

Майоров, Веселов 2025 — *Майоров А. В., Веселов Ф. Н.* «Благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви»: латинские источники о последних днях великого князя Ярослава Всеволодовича // Российская история. 2025. № 1. С. 3–14. https://doi.org/10.31857/S2949124X25010015.

Маслова 2023 — *Маслова С. А.* Налоговая терминология краткого собрания ханских ярлыков, выданных русским митрополитам // Золотоордынское обозрение. Т. 11. № 3. 2023. С. 636–651. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-3.636-651.

Маслова 2024a — *Маслова С. А.* Монгольская децимальная организация и ее роль в социально-экономическом развитии русских земель в XIV–XV вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2024. № 3(97). С. 83–94. https://doi.org/10.25986/IRI.2024.97.3.007.

Маслова 2024b — *Маслова С. А.* Монгольские переписи на Руси // Соборное уложение 1649 г.: эпоха и предыстория / Отв. ред. Е. Л. Конявская, Л. А. Беляев. М.: Ин-т рос. истории Рос. акад. наук, 2024. С. 258–276.

Маслова 2024c — *Маслова С. А.* Установление системы регулярного налогообложения русских земель в пользу Золотой Орды // Российская история. 2024. № 1. С. 3–18. https://doi.org/10.31857/S2949124X24010015.

Насонов 1940 — *Насонов А. Н.* Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). М.; Л.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1940.

Пашуто 1950 — *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1950.

Пенской, Пенская 2022 — *Пенской В. В., Пенская Т. М.* Эволюция политических отношений в Восточной Европе накануне раннего Нового Времени: «ордынский

мир» от расцвета до заката // Золотоордынское обозрение. Т. 10. № 3. 2022. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-3.629-652. С. 629–652.

Петрунь 1928 — *Петрунь Ф.* Ханські ярлики на українські землі (До питання про татарську Україну) // Східній Світ. 1928. № 2. С. 170–187.

Плигузов, Хорошкевич 1990 — *Плигузов А. И., Хорошкевич А. Л.* Русская церковь и антиордынская борьба в XIII–XV вв. (по материалам краткого собрания ханских ярлыков русским митрополитам) // Церковь, общество и государство в феодальной России / [Отв. ред. А. И. Клибанов]. М.: Наука, 1990. С. 84–102.

Почекаев 2006 — *Почекаев Р. Ю.* Русские земли в татарско-литовских отношениях и Москва (по данным ханских ярлыков конца XIV — начала XVI вв.) // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века: [Материалы междунар. науч. конф. «Иван III и проблемы российской государственности: К 500-летию со дня смерти Ивана III (1505–2005)», 25–26 ноября 2005 г.] / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. С. 213–229.

Почекаев 2010 — *Почекаев Р. Ю.* Ярлыки ханов Золотой Орды русской церкви: к вопросу о хронологии и количестве // Научный Татарстан. 2010. № 2. С. 156–167.

Почекаев 2012 — *Почекаев Р. Ю.* Цари ордынские: Биографии ханов и правителей Золотой Орды. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Евразия, 2012.

Почекаев 2015 — *Почекаев Р. Ю.* Правовая культура Золотой Орды (историко-правовые очерки). М.: Юрлитинформ, 2015.

Почекаев 2022 — *Почекаев Р. Ю.* Золотая Орда и русские земли: юридические аспекты отношений (очерки по истории и антропологии права). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2022.

Стефанович 2019 — *Стефанович П. С.* Политическое развитие Галицко-Волынской Руси в 1240–1340 гг. и отношения с Ордой // Российская история. 2019. № 4. С. 116–134. https://doi.org/0.31857/S086956870005909-0.

Усманов 1979 — *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979.

Фроянов 1980 — *Фроянов И. Я.* Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980.

Allsen 1981 — *Allsen T.* Mongol census taking in Rus', 1245–1275 // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 5. No. 1. 1981. P. 32–53.

Allsen 1987 — *Allsen T.* Mongol imperialism: The policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic lands, 1251–I259. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1987.

Doerfer 1967 — *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. 3. Wiesbaden: Franz Steiner, 1967.

Gulevych 2021a — *Gulevych V.* Expansion of the Grand Duchy of Lithuania in the middle and the second half of the fourteenth century and its relations with the Horde // The Routledge handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe / Ed. by A. V. Maiorov, R. Hautala. London; New York: Routledge, 2021. P. 340–367.

Gulevych 2021b — *Gulevych V.* The Grand Duchy of Lithuania, the Kingdom of Poland, and the Tatar World in the fifteenth century // The Routledge handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe / Ed. by A. V. Maiorov, R. Hautala. London; New York: Routledge, 2021. P. 368–388.

Halperin 1987 — *Halperin Ch. J.* Russia and the Golden Horde: The Mongol impact on medieval Russian history. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1987.

Hautala 2021 — *Hautala R.* The Polish-Mongol conflict over succession of the Halych and Volhynian Principality in the middle of the fourteenth century // The Routledge hand-

book of the Mongols and Central-Eastern Europe / Ed. by A. V. Maiorov, R. Hautala. London; New York: Routledge, 2021. P. 175–187.

Hsiao 1978 — *Hsiao Ch.* The military establishment of the Yuan Dynasty. Cambridge, MA; London: Harvard Univ. Press, 1978.

Jackson 2018 — *Jackson P.* The Mongols and the West, 1221–1410. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2018.

Kim 2023 — *Kim H.* Mongol imperial institutions // The Cambridge history of the Mongol Empire / Ed. by M. Biran, H. Kim. Vol. 1. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2023. P. 399–443.

Kołodziejczyk 2011 — *Kołodziejczyk D.* The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International diplomacy on the European periphery (15th–18th century): A study of peace treaties followed by an annotated edition of relevant documents. Leiden; Boston: Brill, 2011.

Langer 2017 — *Langer L. N.* Rus' and the Mongol decimal system // Russian History. Vol. 44. No. 4. 2017. P. 515–533.

May 2023 — *May T.* The military machine // The Cambridge history of the Mongol Empire / Ed. by M. Biran, H. Kim. Vol. 1. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2023. P. 460–487.

Mika 2020 — *Mika N.* Problematyka tatarska w polityce europejskiej od połowy XV do początku XVI wieku. Kraków; Warszawa: Avalon, 2020.

Moiseev 2021 — *Moiseev M. V.* The Muscovite Rus' and the Tatar states in the second half of the fifteenth century: The main trends of relations // The Routledge handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe / Ed. by A. V. Maiorov, R. Hautala. London; New York: Routledge, 2021. P. 267–290.

Vásáry 2021 — *Vásáry I.* Mongol-Hungarian encounters in the fourteenth century // The Routledge handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe / Ed. by A. V. Maiorov, R. Hautala. London; New York: Routledge, 2021. P. 161–174.

Vernadsky 1953 — *Vernadsky G.* The Mongols and Russia. New Heaven; London: Yale Univ. Press[2]; Oxford Univ. Press, 1953.

Zdan 1957 — *Zdan M. B.* The dependence of Halych-Volyn' Rus' on the Golden Horde // The Slavonic and East European Review. Vol. 35. No. 85. 1957. P. 505–522.

References

Abzalov, L. F., Gatin, M. S., Mustakimov, I. A., & Pochekaev, R. Yu. (2023). The jarlyk on appointment of *amir-e tuman* from the "Dastur al-khatib" and status of temnik in the uluses of Hulagu, Jochi and Chagatay. *Golden Horde Review, 11*(3), 592–610. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-3.592-610. (In Russian).

Allsen, T. (1981). Mongol census taking in Rus', 1245–1275. *Harvard Ukrainian Studies, 5*(1), 32–53.

Allsen, T. (1987). *Mongol imperialism: The policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic lands, 1251–1259*. Univ. of California Press.

Doerfer, G. (1967). *Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen* (Vol. 3). Franz Steiner.

Froianov, I. Ia. (1980). *Kievskaia Rus': Ocherki sotsial'no-politicheskoi istorii* [Kievan Rus: Essays on socio-political history]. Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russian).

Gorskii, A. A. (2000). *Moskva i Orda* [Moscow and the Horde]. Nauka. (In Russian)

Gorskij, A. A. (2010). *From lands to grand principalities: "Primysly" of Russian princes in the second half of the XIII — XV centuries*. Indrik. (In Russian).

Gorsky, A. A. (2014). The establishment of the Mongol Empire's rule over Rus': Regional specifics. *The Historical Reporter, 10*(vol. 157), 58–79. (In Russian).

[2] Деятельность Йельского университета признана нежелательной на территории РФ.

Gorskii, A. A. (2019). *Russkoe srednevekovoe obshchestvo: Istoriko-terminologicheskii spravochnik* [Russian medieval society: Historical and terminological handbook]. Izdatel'stvo Olega Abyshko. (In Russian).

Grekov, I. B. (1975). *Vostochnaia Evropa i upadok Zolotoi Ordy (na rubezhe XIV–XV vv.)* [Eastern Europe and the decline of the Golden Horde (at the turn of the 14th–15th centuries)]. Nauka. (In Russian).

Grigor'ev, A. P. (1978). *Mongol'skaia diplomatika XIII–XV vv. (Chingizidskie zhalovannye gramoty.* [Mongol diplomacy of the 13th–15th centuries (Chinggisid charters)]. Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta. (In Russian).

Grigor'ev, A. P. (2004). *Sbornik khanskikh iarlykov russkim mitropolitam: Istochnikovedcheskii analiz zolotoordynskikh dokumentov* [Collection of Khan's yarlyqs to Russian metropolitans: Source study analysis of Golden Horde documents]. Izd[atel'st]vo S[ankt]-Peterb[urgskogo] un[iversite]ta. (In Russian).

Grigor'ev, A. P. (2006). Zolotoordynskie iarlyki: poisk i interpretatsiia [Golden Horde yarlyqs: Search and interpretation]. In S. G. Kliashtornyi et al. (Eds.). *Tiurkologicheskii sbornik. 2005: Tiurkskie narody Rossii i Velikoi stepi* (pp. 74–140). Vostochnaia literatura. (In Russian).

Gulevych, V. (2021a). Expansion of the Grand Duchy of Lithuania in the middle and the second half of the fourteenth century and its relations with the Horde. In A. V. Maiorov, & R. Hautala (Eds.). *The Routledge handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe* (pp. 340–367). Routledge.

Gulevych, V. (2021b). The Grand Duchy of Lithuania, the Kingdom of Poland, and the Tatar World in the fifteenth century. In A. V. Maiorov, & R. Hautala (Eds.). *The Routledge handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe* (pp. 368–388). Routledge.

Halperin, Ch. J. (1987). *Russia and the Golden Horde: The Mongol impact on medieval Russian history*. Indiana Univ. Press.

Hautala, R. (2021). The Polish-Mongol conflict over succession of the Halych and Volhynian Principality in the middle of the fourteenth century. In A. V. Maiorov, & R. Hautala (Eds.). *The Routledge handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe* (pp. 175–187). Routledge.

Hsiao, Ch. (1978). *The military establishment of the Yuan Dynasty*. Harvard Univ. Press.

Jackson, P. (2018). *The Mongols and the West, 1221–1410* (2nd ed.). Routledge.

Kim, H. (2023). Mongol imperial institutions. In M. Biran, & H. Kim (Eds.). *The Cambridge history of the Mongol Empire* (Vol. 1. pp. 399–443). Cambridge Univ. Press.

Kołodziejczyk, D. (2011). *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International diplomacy on the European periphery (15th–18th century): A study of peace treaties followed by an annotated edition of relevant documents*. Brill.

Kuchkin, V. A. (2021). Conquest of Rus by Batu Khan and "exit" to Orda. In L. A. Beliaev et al. (Eds.). *Rus' in the 13th–15th cc.: Recent discoveries in archaeology and history* (pp. 22–35). Indrik. (In Russian).

Langer, L. N. (2017). Rus' and the Mongol decimal system. *Russian History, 44*(4), 515–533.

Maiorov, A. V. (2022). Rus' lands in the fiscal policy of Möngke Khan. *Vestnik of Saint Petersburg University. History, 67*(4), 1033–1046. https://doi.org/10.21638/spbu02.2022.401. (In Russian).

Maiorov, A. V. (2023a). Miley, Kuremsa and Möngke Khan: Southern Rus under Mongol control. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki, 2023*(2, no. 92), 41–56. https://doi.org/10.25986/IRI.2023.2.006. (In Russian).

Maiorov, A. V. (2023b). "Pacification and control": Mongol rule in Rus' in the mid-13th century. *Rossiiskaia istoria, 2023*(5), 3–22. https://doi.org/10.31857/S2949124X23050012. (In Russian).

Maiorov, A. V. (2024). Troops of Rus' in the Mongol army. *Vestnik of Saint Petersburg University. History, 69*(3), 548–565. https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.301. (In Russian).

Maiorov, A. V. (2026). The Mongol chiliarchy. *Vestnik of Saint Petersburg University. History, 72*(1), 50–65. (In Russian).

Maiorov, A. V., & Veselov, F. N. (2025). "Piously gave himself up to the obedience of the Roman Church": Latin sources on the last days of Grand Prince Yaroslav Vsevolodovich. *Rossiiskaia istoria, 2025*(1), 3–14. https://doi.org/10.31857/S2949124X25010015. (In Russian).

Maslova, S. A. (2023). The tax terminology of the Short collection of Khan's jarlyks issued to Rus' Metropolitans. *Golden Horde Review, 11*(3), 636–651. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2023-11-3.636-651. (In Russian).

Maslova, S. A. (2024a). Mongol decimal organization and its role in the socio-economic development of Russian lands in the 14th–15th centuries. *Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki, 2024*(3, no. 97), 83–94. https://doi.org/10.25986/IRI.2024.97.3.007. (In Russian).

Maslova, S. A. (2024b). Mongol'skie perepisi na Rusi [Mongol censuses in Rus']. In E. L. Koniavskaia, & L. A. Beliaev (Eds.). *Sobornoe ulozhenie 1649 g.: epokha i predystoriia* (pp. 258–276). In[stitu]t ros[siiskoi] istorii Ros[siiskoi] akad[emii] nauk. (In Russian).

Maslova, S. A. (2024c). Establishment of a system of regular taxation of Russian lands in favor of the Golden Horde. *Rossiiskaia istoria, 2024*(1), 3–18. https://doi.org/10.31857/S2949124X24010015. (In Russian).

May, T. (2023). The military machine. In M. Biran, & H. Kim (Eds.). *The Cambridge history of the Mongol Empire* (Vol. 1, pp. 460–487). Cambridge Univ. Press.

Mika, N. (2020). *Problematyka tatarska w polityce europejskiej od połowy XV do początku XVI wieku*. Avalon.

Moiseev, M. V. (2021). The Muscovite Rus' and the Tatar States in the second half of the fifteenth century: The main trends of relations. In A. V. Maiorov, & R. Hautala (Eds.). *The Routledge handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe* (pp. 267–290). Routledge.

Nasonov, A. N. (1940). *Mongoly i Rus' (istoria tatarskoi politiki na Rusi)* [Mongols and Rus' (history of Tatar politics in Rus')]. Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. (In Russian).

Pashuto, V. T. (1950). *Ocherki po istorii Galitsko-Volynskoi Rusi* [Essays on the history of Galician-Volhynian Rus']. Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR. (In Russian).

Penskoy, V. V., & Penskaya, T. M. (2022). The evolution of political relations in Eastern Europe on the eve of the Early Modern period: The "Horde world" from rise to decline. *Golden Horde Review, 10*(3), 629–652. https://doi.org/10.22378/2313-6197.2022-10-3.629-652. (In Russian).

Petrun', F. (1928). Khans'ki iarlyky na Ukraïns'ki zemli (Do pytannia pro tatars'ku Ukraïnu) [Khan's yarlyqs on Ukrainian lands (To the question of Tatar Ukraine)]. *Skhidnii Svit, 1928*(2), 170–187. (In Ukrainian).

Pliguzov, A. I., & Khoroshkevich, A. L. (1990). Russkaia tserkov' i antiordynskaia bor'ba v XIII–XV vv. (po materialam kratkogo sobraniia khanskikh iarlykov russkim mitropolitam) [The Russian Church and the anti-Horde struggle in the 13th–15th centuries (based on materials from the brief collection of khan's yarlyqs to Russian Metropolitans)]. In A. I. Klibanov (Ed.). *Tserkov', obshchestvo i gosudarstvo v feodal'noi Rossii* (pp. 84–102). Nauka. (In Russian).

Pochekaev, R. Iu. (2006). Russkie zemli v tatarsko-litovskikh otnosheniiakh i Moskva (po dannym khanskikh iarlykov kontsa XIV — nachala XVI vv.) [Russian lands in Tatar-Lithuanian relations and Moscow (according to the data of the khan yarlyqs of the late 14th — early 16th centuries)]. In A. Iu. Dvornichenko (Ed.). *Trudy kafedry istorii Rossii s drevneishikh vremen do XX veka* ([Vol. 1], pp. 213–229). Izd[atel'st]vo S[ankt]-Peterb[urgskogo] un[iversite]ta. (In Russian).

Pochekaev, R. Iu. (2010). Iarlyki khanov Zolotoi Ordy russkoi tserkvi: k voprosu o khronologii I kolichestve [Yarlyqs of khans of the Golden Horde to Russian Orthodox Church: chronology and quantity]. *Nauchnyi Tatarstan, 2010*(2), 156–167. (In Russian).

Pochekaev, R. Iu. (2012). *Tsari ordynskie: Biografii khanov i pravitelei Zolotoi Ordy* [Horde tsars: Biographies of khans and rulers of the Golden Horde] (2nd ed., rev. and enl.). Evraziia. (In Russian).

Pochekaev, R. Iu. (2015). *Pravovaia kul'tura Zolotoi Ordy (istoriko-pravovye ocherki)* [Legal culture of the Golden Horde (historical and legal essays)]. Iurlitinform. (In Russian).

Pochekaev, R. Iu. (2022). *Zolotaia Orda i russkie zemli: iuridicheskie aspekty otnoshenii (ocherki po istorii i antropologii prava)* [The Golden Horde and Russian lands: legal aspects of relations (essays on the history and anthropology of law)]. Izd[atel'st]vo Alt[aiskogo] un[iversiteta]. (In Russian).

Stefanovich, P. S. (2019). Political development of Galicia-Volyn Rus in 1240–1340 and relations with the Horde. *Rossiiskaia istoria, 2019*(4), 116–134. https://doi.org/0.31857/S086956870005909-0. (In Russian).

Usmanov, M. A. (1979). *Zhalovannye akty Dzhuchieva ulusa XIV–XVI veke* [Granted acts of the Jochi Ulus in the 14th–16th centuries]. Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (In Russian).

Vásáry, I. (2021). Mongol-Hungarian encounters in the fourteenth century. In A. V. Maiorov, & R. Hautala (Eds.). *The Routledge handbook of the Mongols and Central-Eastern Europe* (pp. 161–174). Routledge.

Vernadsky, G. (1953). *The Mongols and Russia*. Yale Univ. Press; Oxford Univ. Press[3].

Vladimirtsov, B. Ia. (2002). Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongolskii kochevoi feodalizm [Social system of the Mongols. Mongol nomadic feudalism]. In B. Ia. Vladimirtsov. *Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov* (pp. 295–488). Vostochnaia literatura. (In Russian).

Zdan, M. B. (1957). The dependence of Halych-Volyn' Rus' on the Golden Horde. *Slavonic and East European Review, 35*(85), 505–522.

Zeleneev, Yu. A., Pigarev, E. M., & Sitdikov, A. G. (2024). The Lower Volga center of the Jochi ulus in the XIII–XV centuries: Historical and archaeological reconstruction (for the 770th anniversary of the city of Sarai). *Archaeology of the Eurasian Steppes, 2024*(2), 82–88. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.82.88. (In Russian).

[Zotov, R. V.] (1892). *O chernigovskikh kniaz'iakh po Lubetskomu sinodiku I o Chernigovskom kn'iazhestve v tatarskoe vremia: Issledovanie R. V. Zotova* [About the Chernigov princes according to the Lyubetsk synodikon and about the Chernigov principality in the Tatar times: R. V. Zotov's study]. Tipografiia brat'ev Panteleevykh. (In Russian).

Информация об авторе

Александр Вячеславович Майоров
доктор исторических наук
профессор, заведующий кафедрой музеологии, Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9
✉ *a.v.maiorov@gmail.com*

Information about the author

Alexander Viacheslavovich Maiorov
Dr. Sci. (History)
Professor, Head of the Department of Museology, Saint Petersburg State University
Russia, 199034, Saint Petersburg, Universitetskaya Emb., 7/9
✉ *a.v.maiorov@gmail.com*

[3] Деятельность Йельского университета признана нежелательной на территории РФ.